

УДК 82.312.1

И. А. Михалевич

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», ул. Ожешко, 22, 220023 Гродно, Республика Беларусь, +375 (152) 74 07 26, irkahudoba@mail.ru

РОМАН-МЕШОК СТАНИСЛАВА ИГНАЦИЯ ВИТКЕВИЧА

Данная статья посвящена описанию особенностей неклассического романа в межвоенной Польше, а именно характеристике такого новаторского жанра, как роман-мешок, введенного в литературоведческий оборот польским писателем первой половины XX века Станиславом Игнацием Виткевичем (псевдоним — контаминация имени и фамилии — Виткаций). В работе рассматривается вопрос восприятия различными критиками и литературоведами данного понятия и на примере произведений «Прощание с осенью», «Ненасытимость», «Единственный выход» С. И. Виткевича, делается акцент на выявление отличительных черт поэтики романа-мешка, разрушающих общепринятые правила построения классических романов, а следовательно, определяются основные особенности стиля польского писателя, характеризующие неповторимость его творчества. Целью данной работы является описание инварианта жанра романа-мешка в пределах парадигмы неклассической художественности.

Ключевые слова: Станислав Игнаций Виткевич; роман-мешок; неклассический роман; «Ненасытимость»; «Прощание с осенью»; новаторство.

Библиогр.: 10 назв.

I. A. Mikhalewicz

Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (152) 74 07 26, irkahudoba@mail.ru

NOVEL-BAG OF STANISLAV IGNACY WITKEVICH

This article is devoted to the description of the features of the non-classicist novel in interwar Poland, namely the characteristic of such a innovative genre as the novel-bag, introduced by the Polish writer of the first half of the twentieth century Stanislaw Ignacy Witkiewicz. The paper gives an assessment of the concept of the novel-bag by various critics and literary critics, and also highlights the characteristic features of the novel-bag of S. I. Witkewich (on the example of the works “The Farewell to autumn”, “The Insatiability”, “The Only way out”). The main features of the style of the Polish writer, which characterize the uniqueness of his work, are also determined. In addition, the emphasis is placed on identifying features of their poetik that violate the generally accepted rules of building classic novels.

Key words: Stanislaw Ignacy Witkewich; novel-bag; non-classical novel; “The Insatiability”; “The Farewell to autumn”; innovation.

Ref.: 10 titles.

Введение. Роман-мешок (powieść-worek) — понятие, возникшее в начале XX века и впервые использованное польским писателем Станиславом Игнацием Виткевичем (1885—1939). Данный термин можно отнести к особому звену в эволюции нарративных форм, своеобразному отступлению от романа XIX века. А. Базилевский отмечает, что сам С. И. Виткевич обосновывал введение понятия следующим образом: «Тот факт, что роман не является “искусством” дает ему свободу от правил, которым искусство должно подчиняться» [1, с. 37]. Таким образом, роман-мешок — новый жанр романа, который сравнивается с мешком, куда автор может вместить все: эпические, лирические, драматические элементы и даже философский трактат, раскрыть свои собственные взгляды или создать антиутопию будущего.

Отношение к новому жанровому явлению в межвоенной Польше было неоднозначным. С одной стороны, критики характеризовали роман-мешок как новаторское, экспериментальное произведение, предвещающее художественные открытия литературы межвоенного периода,

с другой стороны, как пример неудачного анахронического творчества [2, с. 6]. Однако все рецензенты сходились во мнении, что роман-мешок — это феномен экспериментального романа, своеобразная эволюция жанра романа. Если в эпоху реализма и натурализма основным критерием оценки произведения был факт глубины социальной проблематики, степени познания и правдивости отражения действительности, понятности читателю, то роман-мешок не соответствовал этому основному условию традиционного романа.

Рассмотрим более подробно определения понятия «роман-мешок». Так, сам Виткаций утверждает, что «powieść może być wszystkim... począwszy od a-psychologicznej awantury, przedstawionej od zewnątrz, do czegoś, co może graniczyć z traktatem filozoficznym lub społecznym» [3, с. 58]. — «Роман может быть всем..., начиная от апсихологического приключения, представленного извне, и заканчивая чем-то, что может граничить с философским или социальным трактатом».

Роман-мешок, по мнению литературоведа Владимежа Болецкого, — это произведение, которое ненормально воспринимается, интригует и обескураживает читателя [2, с. 9]. Следовательно, в романах такого рода из-за невнятности этой литературной формы отсутствует забота о читателе вплоть до его полного игнорирования. Как неоднократно подчеркивал Виткевич: «Читатель должен либо принять роман, либо нет» [1, с. 21].

Е. Брайтер сравнивал роман-мешок с искусственным мозгом, но при этом добавлял, что это именно та литературная форма, которая не имеет ничего общего с романом [4, с. 10].

Л. Пивиньски высоко ценил интеллектуальный характер такого рода произведений, включая и их «мешковатость», но не принимал подобную художественную практику, считая, что существование романа-мешка — это «dowód całkowitej klęski artystycznej w sferze poetyki zrealizowanej» [5, с. 330—332]. — «Свидетельство полного художественного провала в сфере поэтики».

Многие литературоведы и критики того времени считали роман-мешок синтезом фантазии и реализма, что, в свою очередь, приводило к сложности восприятия произведения читателем, а такое воплощение двойственности являлось явно противоречивым, так как считалось, что искусство романиста — это в первую очередь искусство выбора и способность последовательно реализовывать выбранный способ выражения [6, с. 28].

В жанре романа-мешка в Польше созданы такие сочинения, как «Нетота» («Nietota», 1910), «Ксендз Фауст» («Xiądz Faust», 1913) Тадеуша Мичиньского, «Прощание с осенью» («Pożegnanie jesieni», 1927), «Ненасытность» («Nienasycenie», 1930) Станислава Игнация Виткевича и «Свадьба графа Оргазы» («Wesele hrabiego Orgazy», 1925) Романа Яворского, писателей, владеющих особым инструментарием. Остановимся более подробно на произведениях С. И. Виткевича.

В обзорах на романы Виткация часто встречаются формулировки, описывающие его произведения как «niesłychane, umyślnie niezrozumiałe, zmuszające czytelnika do przebycia “grząskich moczarów lektury”» [7, с. 101]. — «Неслыханные, заведомо непостижимые, заставляющие читателя пройти через “слякотные болота чтения”». Критики указывают на отсутствие целостности в романах Станислава Игнация Виткевича, осуждают за пренебрежительное отношение к композиции, отмечают наличие автономности отдельных предложений и отсутствие преемственности истории. Несмотря на то, что сам Виткаций упоминает о разрыве в своих произведениях с аристотелевской конструкцией истории, основанной на градации и кульминации, критики указывают на неумелое построение романа автором и примитивизм его повествовательной техники.

Методология и методы исследования. Методология и методы исследования определены традицией историко-литературного исследования. Теоретическая база данной статьи опирается на труды литературоведов, изучающих творчество Виткевича. Основной метод — аналитический. Применяется также метод целостного анализа художественного текста и структурно-типологический метод.

Результаты исследования и их обсуждение. В романе-мешке Станислава Игнация Виткевича мы обнаружили следующие особенности.

1. Автохарактеристика в третьем лице. Особенно ярко проявляется в романах «Единственный выход» и «Ненасытимость», где автор упоминает себя как писателя либо художника. Рассмотрим несколько примеров:

*«Как писал, впрочем, лживо, об этом закопанском говнюке **Виткаци** некий низкого ранга тип, не понимавший, что свершает тем самым кардинальную пакость»* [8, с. 131].

*«...гибельное очарование которой хотел увековечить и увековечил-таки в своем вальсе в тональностях фа-мажор и ля-бемоль-мажор тот самый незабвенный говнюк из Закопане, **Виткаций**»* [8, с. 148].

*«Хорошо, что, по крайней мере, Хвистека убили нанятые **Виткацием** палачи»* [9, с. 212].

*«Вот что, Марцелий, послушай меня, прочти книгу **Виткация** о наркотиках, а пока я скажу тебе следующее...»* [9, с. 231].

*«Незаконнорожденный правнук Тицчинского и некто весьма подозрительный, выдававший себя за родного внука **Виткация**, этого говнюка из Закопане»* [9, с. 322].

Как видно из перечисленных выше примеров, автор часто упоминает в романах себя как писателя, музыканта, художника, но такие упоминания носят, как правило, нарочито критичный характер. Помимо этого, главные герои его произведений часто выступают прототипом самого автора, излагая его идеи и взгляды.

2. Наличие в тексте информации, даваемой писателем, которую можно определить как своеобразную аннотацию действий и которая размывает контуры композиции, делая ее фрагментарной. Например:

Информация

«Атаназий происходил из среднезажиточной шляхетской семьи. Его отец покровительствовал изящным искусствам в родном уезде, но сыну “carrément” запретил быть художником...» [10, с. 23].

Информация

«Зося была почти льняной блондинкой, как и ее мать, которая как раз внезапно стала седеть. Обе были даже неприятно похожи друг на друга...» [10, с. 27].

Таким образом, в информации писатель выражает свою авторскую позицию, а также дает читателю характеристику персонажей, которая отсутствует в основном тексте. Примечательно и то, что информация почти всегда является описанием, она статична как портрет, и всегда выступает в качестве независимого композиционного целого.

3. Небрежность в построении фабулы и способа описания событий.

В романах С. И. Виткевича эта особенность проявляется в философских отступлениях автора и его героев, а также в отступлениях по актуальным политическим проблемам. У создателя «Прощания с осенью» и «Ненасытности» указанная особенность — это аналогия событий с революцией в России, а также явное и неявное упоминание этой страны. Например, диалог революционера Саेतана Темпе и Логойского:

«Логойский. Ничего вы на самом деле не знаете, товарищ Темпе. Россия идет вспять — никто во всем мире не принимает коммунизм всерьез.

Темпе. Но и сам коммунизм никого всерьез не принимает, кроме себя самого. А впрочем, это только вступление. Коммунизм — это переходная фаза, и колебания — неизбежны, все зависит от исходного пункта. Вспомните, откуда вышла Россия. Тот центр сил, из которого пошла эта всемирная волна, может даже на время погаснуть, но волна эта прошла и сделала свое...» [10, с. 78].

В следующем примере мы видим также упоминание о России, а серпастый герб — первое, что бросается в глаза вернувшемуся в Польшу главному герою «Прощания с осенью» Атаназию Базакбалу:

«Проходя мимо Красного дворца, он заметил на нем эмблему Союза Советских Республик — там было посольство» [10, с. 198].

4. Неспособность эпического построения фона (местного колорита).

Виткаций не уделяет должного внимания пейзажным характеристикам тех мест, где происходят важные события (Польша, Индия). Связано это в первую очередь с тем, что действия его романов происходят в будущем.

Исключительным является и стиль романа-мешка. Здесь нет должной направленности действия, преобладает хаос взглядов и идей, отсутствует единство восприятия.

К особенностям стиля романов Станислава Игнация Виткевича относятся:

1) непонятность и непрозрачность мыслей автора, которые обусловлены отсутствием языковой точности;

2) незначительность отдельных лексических единиц и целых предложений, проявляющаяся в том, что зачастую у Виткация не только предложения, но и целые абзацы не несут в себе смысловой нагрузки, связанной с основной темой романа (к примеру, философские отступления героев);

3) принцип «синтетизма» в стиле и композиции произведения, который проявляется в использовании слов из различных специализированных словарей, исторических эпох и стилей литературы. Недаром критики межвоенной Польши требовали от С. И. Виткевича сокращения в романе избыточных отступлений и искоренения жаргонизмов, характеризуя эти явления как «*zbyt abstrakcyjne lub zbyt dosadne jak na dopuszczalne w powieści konwencji*» [7, с. 102]. — «Слишком абстрактные или слишком грубые по сравнению с конвенциями, допустимыми в романе».

У Станислава Игнация это варваризмы, вульгаризмы, индивидуально-авторские неологизмы:

«*He tak **komisch**, как вам кажется*» [10, с. 143].

«*Он только кое-что слышал об этом когда-то в Париже, да еще от Хвистека, с которым познакомился на охоте, трудной **parforcey** герцогини*» [8, с. 172].

«*Весь этот запутанный клубок — а моя мысль принципиально неясна — это мотор моего творчества, и не важно, понимают ли его эти **дураки** или нет*» [9, с. 7].

«*Амбиция не позволяет мне выбрать ни одного из заграничных **болванов***» [10, с. 17].

«*А мне иногда охота разрубить этот узел и **послать ко всем чертям** и папашу, и дворец, и деньги и пуститься во все тяжкие — стать коммунистическим агитатором*» [10, с. 43].

Очевидно, что нежелание автора использовать стандартизированные выражения проявляется в частом использовании кавычек и обилии иностранных выражений.

В качестве индивидуально-авторских неологизмов выступают слова, придуманные автором для описания темы наркотиков, а также названия несуществующих блюд, например:

«*Прими чуток, — говорил хитроумный **кокаинист**; совращение всех на отраву было его, впрочем, как и всех других “**дрогистов**”, манией*» [10, с. 104].

Как видим, в одном предложении выступают сразу два индивидуально-авторских неологизма — «кокаинист» и «дрогист»: «человек, употребляющий наркотики» и «человек, употребляющий и распространяющий наркотические вещества» соответственно.

«*После **ласточкиных гнезд в сладком соусе из давленных тараканов** (то и дело попадались лапки этих мудрых насекомых) Ванг встал*» [9, с. 515].

«*— А может, святой отец пожалует к нам на последний обед? Будет **холодная мурбия**, — крикнула ему вослед Геля*» [10, с. 193];

4) ангажированность произведений различными проблемами, идеями и взглядами, т. е. возможность раздумий автора на философские и политические темы, освещение проблем религии, эстетики, экономики.

Так, к примеру, диалог князя Базилия и Бенца на тему религии в романе «Ненасытимость»:

«***Князь Базилий**: Видишь ли, Бенц, это рассуждение в мою пользу. Именно католицизм воспитал лучшую часть человечества. Протестанты в Германии были причиной величайшего людского несчастья...*

«***Бенц** (дико хохотнув): А может, так и надо? Человечество может подавиться сложностью культуры. Религия с этим не справится*» [9, с. 67].

Заключение. Роман-мешок — это особый литературный жанр, разрушающий общепринятые правила, манеру написания традиционного романа. Основными чертами поэтики романа-мешка являются коррелирующие элементы произведения: отношения между фрагментом и целым произведением, отношения между литературным и нелитературным в романе, стилистические конструкции повествования и отношения между представленным миром и позицией рассказчика. Несмотря на то, что роман-мешок зачастую называют произведением без содержания, несмотря на языковую небрежность подобных произведений Виткация, его романы по праву входят в культурное наследие межвоенной эпохи польской литературы. С. И. Виткевич является одним из основоположников нового вида романного жанра в литературе XX века.

Список цитированных источников

1. *Базилевский, А. Б.* Виткевич: повесть о вечном безвременье / А. Б. Базилевский. — М. : Наследие, 2000. — 200 с.
2. *Bolecki, W.* Poetycki model prozy w dwudziestoleciu międzywojennym / W. Bolecki. — Warszawa : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. Instytut Badań Literackich, 1982. — 304 s.
3. *Studia o przemianach gatunkowych w powieści polskiej XX wieku / Marian Horyczny [i inni] ; pod red. Tadeusza Bujnickiego.* — Katowice : Uniwersytet Śląski, 1987. — 178 s.
4. *Breiter, E.* Felieton literacki / E. Breiter // Nowy Kurier Polski. — 1925. — № 149. — S. 9—15.
5. *Piwiński, L.* Przegląd Współczesny (rubryka „Powieść polska. Nowe Wydawnictwa”) / L. Piwiński // Przegląd Współczesny. — 1927. — Т. XXIII. — S. 330—332.
6. *Palester R.* Witkacy i Miciński / R. Palester // Na Antenie. — 1963. — № 1. — S. 7—14.
7. *Józefowicz, L.* Niesamowita powieść (Na marginesie „Nienasycenia” St. I. Witkewicza) / L. Józefowicz // Myśl Narodowa. — 1931. — № 39. — S. 101—103.
8. *Виткевич, С. И.* Наркотики. Единственный выход / С. И. Виткевич ; пер. с пол. Ю. Чайникова. — М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2006. — 382 с.
9. *Виткевич, С. И.* Ненасытимость : роман / С. И. Виткевич ; пер. с пол. Ю. Чайникова ; послесл. и прим. А. Базилевского. — М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2004. — 633 с.
10. *Виткевич, С. И.* Прощание с осенью : роман / С. И. Виткевич ; пер. с пол. Ю. Чайникова ; послесл. и прим. А. Базилевского. — М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2006. — 460 с.

Поступила в редакцию 26.03.2020.